КОМСОМОЛЕЦ
г. Челябинск

7 мая 1965

Сегодня исполняется 125 лет со дня рождения Петра Ильича ЧАЙКОВСКОГО

МЫ ПЕЧАТАЕМ НЕБОЛЬШУЮ НОВЕЛЛУ НАШЕГО ЧИТАТЕЛЯ ВЛАДИМИРА КОНДРАТЮКА, ПОСВЯЩЕННУЮ ЗАМЕЧАТЕЛЬНОМУ КОМПОЗИТОРУ. В. КОНДРАТЮК—СТУДЕНТ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА, ПРЕЖДЕ СЛУЖИЛ ВО ФЛОТЕ.

МУЗЫКА И МОРЕ

НОВЕЛЛА

Неожиданно глухой взрыв заставил нас всех вскочить. Тамбур артиллерийского погребка наполнился дымом. Сашка Березкин в растерянности тер слезящиеся глаза и не сразу мог сообразить, в чем дело. Я пулей бросился к дежурной рубке и объявил аварийную тревогу. Все пришло в движение.

—По местам стоять, трал ставить!—прозвучала команда.В море вышли по тревоге, экстренно.

В ответ на короткие звуки команд сердито урчала лебедка, медленно разворачивая то в одну, то в другую сторону барабаны. За корму полетел первый буй. Зарываясь в кильватерной струе, он временами высовывал свой острый нос и, дергая им в стороны, пытался освободиться из стального плена. Облегчая его участь, лебедка дала слабину тросу, и буй, плавно покачиваясь, успокоился, удаляясь от бегущей кормы. На юте катера каждый номер расчета выполнял свои, строго предписанные ему обязанности и безошибочно выбирал из всех подаваемых команд те, которые касались его.

Учебная боевая задача была решена отлично. Только море хмурилось, словно не желало радоваться успеху. Налетевший шквал срывал белые верхушки волн и бросал их в лицо.

Катер прыгал по крутым волнам. И вдруг:

—Мина—прямо по курсу!

Это была одна из тех «блуждающих» мин, которые оставила война. Ее надо обезвредить: прозвучал выстрел. От близкого всплеска мина крутнулась и снова, уже в который раз, присела за надвигающийся вал.

Нас то прижимало, то отталкивало от механизмов. Я попытался закрепить болтавшуюся ручку лебедки, поднял руку — и в этот момент что-то тяжелое ударило в грудь, потом в лицо, прижало к маховику. Ярко-красным огнем полыхнуло солнце и погасло... Что-то липкое поползло под тельняшкой.

Бр-р-р... как холодно в воде! И зачем она сюда пришла? Здесь никого нет. И темно. Куда скрылось солнце? Ведь оно так ярко светило. Липкие, холодные водоросли тянутся к лицу, опутывают ноги. Я рву их руками, отбрасываю в стороны. Хочется кричать, но не могу. Ага, вон вдалеке блеснул солнечный луч. Он поворачивается, становится ярче и ярче, с размаху бьет по глазам и уходит в сторону.Какой яркий луч! Я открыл глаза.

«Ранен осколком». Боль резанула грудь. От удара о маховик гудело в голове.

«Никого. Как тяжело повернуться...»

Тягуче, тоскливо застонал люк. И снова тихо.

— Кто здесь есть?— сказал я в густую тишину кубрика.

— Я...

— А-а, Березкин.

— Как же это тебя? — сказал Саша Березкин.

Шторм не утихал. Где-то на ветру все еще звенела незакрепленная ручка лебедки. Протяжно и глухо стонало за переборкой море. Яростно бились волны о борт, осыпая людей хлопьями пены. Катер кидало из стороны в сторону, словно резиновый мяч. Он шел наперерез волне, глубоко зарываясь носом, и вздрагивал всем корпусом. Иногда казалось, что он проваливается в бездну, и огромная волна вот-вот обрушится и похоронит его в морской пучине...

И вдруг откуда-то раздались звуки симфонического оркестра. Я приоткрыл глаза: из динамика, висевшего над моей головой, лилась музыка. Было в ней что-то волшебное, утоляющее. Все было здесь: и уральская березка, и речка быстрая, и леса зеленые.

И нет тоски в груди, совсем прошла боль. Я даже не заметил, как утих шторм, и что Березкин давно пришел и сидит рядом...

Когда я вернулся из госпиталя, то первый мой вопрос к Березкину был о той музыке, что утолила мою печаль, облегчила болезнь.

Это был Первый концерт Чайковского.

Собрались мы в тот вечер на палубе. Мало кто предполагал, что Березкин—большей любитель музыки, а Чайковского почитал особенно. И сейчас лицо его казалось необыкновенным, одухотворенным. Забыв о времени, сидели мы, точно завороженные.

А Березкин рассказывал о Петре Ильиче Чайковском. Потом он включил магнитофон, и воздух утратил свою обычную сырость и стал прозрачным, звонким, заходящее солнце показалось таким же щедрым, как в полдень. Солнцем было пронизано все: и воздух, и море. Особенно море. Блики играли по всей его глади.

В желто-зеленой глубине хорошо различимы темные качающиеся водоросли и мшистые валуны. Волны шумно набегают на берег и тут же скатываются обратно.

Уже полночь. Над морем разлилась густая темнота, а над бухтой летела волнующая музыка, мы учились понимать ее...

Так состоялось мое первое знакомство с Чайковским